

Глава 70: Привязанность

Привязанность — как и любое сильное чувство с лёгкостью способно быть как добродетелью, так и чумой. Наши чувства по отношению к близким несмотря на кажущиеся тление, все ещё горят сколь долгой и болезненной не была разлука. Может ли быть, что причина этого в любви? Возможно. Но наши сердца на протяжении всей жизни столь переменчивы, что поверить в то, что любить можно больше нескольких дней, а то и часов невозможно. Так может дело в нашей привязанности к этим чувствам, людям? Несмотря на, ставшее ядовитым слово "рамки", они ограничивают нас, чтобы возвысить? Не потеряться в веренице нитей из личных переживаний и жизненных тревог, при полном отсутствии точки назначения?

Однако, порой мы предпочитаем губить себя, осознано то или нет. И сильные чувства подходят для этого, как нельзя лучше. Цепляясь за давно ушедших мы растворяемся в этих чувствах, буквально тонем в несбыточных мечтах и пустых снах. Вместо того, чтобы хранить воспоминания как дорогое сокровище, мы осыпаем себя им пока горло не сопрет.

Нужно ли говорить, что как и с любовью, не ставшей одержимостью, так и с привязанностью, не обернувшейся клеткой, человек должен знать меру. Ведь потеряв эти чувства или потерявшись в них, не важно, он с лёгкостью потеряется сам, лишит себя того, что отчасти и делает его тем, кто он есть.

— Хаа...

Для одних, нашедших успокоение в близких людях — это в какой-то степени проще. Однако даже для них переступить через "застарелые" чувства невероятно тяжело.

— Поезд, идущий из Готэма в Атланту прибывает ко второму пути.

— А? — подросток повернулась в сторону крепко сжавшей её ладонь матери с тревожным выражением на лице.

— Всё будет хорошо, Джэки. У нас всё обязательно будет хорошо.

— Да, конечно. — наконец её лицо просветлело и юная Мэйчек выдавила из себя улыбку.

Но некоторым не повезло иметь кого-то, кому бы они могли достаточно доверять и перед кем способны были раскрыться. Поэтому единственное, что им оставалось это идти на дно в пучину с привязанным камнем на шеи из обещаний, неудач, самообмана, страха и ошибочных решений.

— Мистер Уэйн, вы не собираетесь домой? — донесся голос из интеркома.

— Хаа... — отведя взгляд, а затем и руку от бумаг. Брюс нажал кнопку для ответа. — Нет, Мисс

Рейкет, мне нужно ещё поработать, а вы можете идти домой.

— Вы уверены? Вы даже на обед не прерывались... С вами точно всё в порядке?

— Хаа... — для того, чтобы подавить внезапную, взявшуюся казалось бы из неоткуда вспышку гнева, Брюсу пришлось глубоко вдохнуть и выдохнуть. — Нет, благодарю за беспокойство, но у меня скопилось слишком много дел. Пожалуйста, идите домой и отдохните.

— Хорошо, Мистер Уэйн. И, пожалуйста, не перетруждайтесь.

— ... — Брюс соврал. "Неотложных" дел у него практически не было, да и закончил он с ними в рабочие часы. Просто копошась в бумагах, сверяя отчёты и производя оценку аналитическим выкладкам, он надеялся забыться в этом, надеялся, что терзающие его мысли наконец оставят голову. И в какой-то мере бегство имело успех, хоть и не могло длиться вечно.

Были и те, кому приходилось стоять на распутьях между одними привязанностями и другими. Они оказывались в ситуации, где любой из выборов был ошибочен и нёс фатальные последствия. Терзаемые сомнениями, даже им самим не было видано откуда они берут силы, чтобы двигаться вперёд, придерживаться выбранного курса.

— Хмм... — облачённая в бордово-красный пеньюар, Талия уже не одну минуту всматривалась в застарелую фотографию с улыбающийся Ниссой. Было бы глупо посчитать, что Талии никогда не приходила идея о неправильности своего решения. Но ей некуда было отступать, да она и не могла себе этого позволить.

Часто человек привязывается и к вещи, будь она неопрятной или неприглядной, даже когда в ней нет ничего особенного людские чувства и воспоминания делают её поистине бесценной.

— И так класс, кто-нибудь может решить это уравнение?

— Ухмм! Ухмм! — единственная, кто потянул руку, стала девочка-подросток в очках с круглой оправой, пышными, немного кудрявыми волосами и в салатовой кофте.

— Ну конечно, одуванчик вызвался к доске...

— Господи, как же одуванчик уже достала...

По всему классу тут и там были слышны перешептывания, которые не доносились до учительницы, либо же она попросту делала вид, что их не слышит. Девочка в свою очередь тоже старалась не подавать виду, хотя внутри всё буквально сжалось, будто она внезапно

оказалось под водой на большой глубине.

.....

Постояв немного у входной двери, прислушиваясь работает ли телевизор, выдохнув, девочка наконец вставила ключ.

— О, Пэм, ты уже дома? — донесся, как всегда, искусственно радостный голос матери с кухни.

— Мам, ты не в саду? — Памела имела в виду довольно большой колумбарий, построенный её матерью на крыше, в котором та часто пропадала.

— Нет, солнышко, сегодня там было не так много дел.

— Хаа... — с тяжёлым выдохом подросток рухнула на стул, попутно бросив портфель на пол.

— Пэм? Что-то случилось в школе?

— Там все уроды... Они тупые, жестокие ко всему: животным, растениям, людям.

— Тебя обижают? — женщина села напротив дочери и сделала грустное лицо, выслушивая жалобы.

— Они дразнятся... Называют меня одуванчиком! Всё из-за того, что я не крашусь, ношу странную причёску и ещё... — "моя мама бывший ботаник" — хотела было она сказать, но вовремя прикусила язык. — Ауч. — при чём в прямом смысле этого выражения.

— Но ведь одуванчик — это так мило...

— Мам! Ты не понимаешь, дело не в том мило это или нет, дело в том, что они вкладывают в это прозвище.

— А я могу тебя так называть? — получив в ответ на ребячество взгляд — "Я же серьёзно!", женщина и сама постаралась убрать улыбку. — Так и чего ты хочешь? Поменять причёску?

— Да! А ещё сменить очки, они старые, неудобные и вообще немодные.

— Но ведь они наша семейная реликвия...

— Ты купила их в бакалейном магазине, когда мне было пять.

— И разве это не делает их особенными? Не здорово иметь вещь, которая пройдёт с тобой через всю жизнь, сохраняя для тебя тёплые воспоминания?

— Боже, поним-...

Скрип входной двери

Приход ещё одного жителя этой квартиры, заставил обеих Айсли встрепнуться и резко прекратить разговор. Подросток схватила рюкзак и поскорее постаралась скрыться в своей комнате, в то время как мать с едва заметным дрожанием глубоко вдохнула.

— Эй! Что, даже поздороваться с отцом не можешь? — причина по которой Памела прислушивалась к двери, и из-за которой её мама, выступающая против косметики, часто наносит румяна, вернулась с подработки.

От отца ей досталось немного, лишь зелёные глаза и то, которые девушка мечтает скрыть за цветными линзами после поступления в колледж. В остальном, он имел круглое, вытянутое у челюсти лицо, густые брови и широкий лоб, также его телосложение вряд ли могло напоминать, о прошлом в спорте.

— П-прости, привет пап, мне нужно уроками поскорее заняться, вот я и спешила.

— Нуах! — издав что-то невнятное, он махнул на неё рукой и шаткими шагами направился на кухню.

—несколькими днями позже—

Иногда бывают такие дни, когда кажется будто мир разваливается, прекращает своё существование. С самого пробуждения до наступления ночи, некое тянущее чувство не даёт покоя, вкупе со свалившимися испытаниями обращая это в колючую проволоку, обмотанную вокруг всего тела.

Именно такой был день у юной Айсли, который, как и обычно такие дни стартовал с пасмурного утра, проблем в школе, ограничившиеся не только задираньями учителя по физкультуре, но и очередными колкостями со стороны школьных заводит, которые поддержал весь, без исключения, класс.

"Иногда, вещи просто накапливаются" — подумав, что причина её депрессии лежит именно в этом, девушка решила пойти в мамин колумбарий полюбоваться растениями.

С самого её детства мама приучила её любовь к природе, не сказать, чтобы против её воли, конечно. Памеле и самой нравилось выращивать цветы и прочие растения, хотя больше всего ей нравилось видеть маму, занимающейся этим, та будто цветок по весне распускалась сама,

тепло улыбалась и словно начинала светиться. Они шутили, смеялись и могли поговорить о чём угодно, пока ростки бережно вбирали в себя всю их боль и грусть.

Скрип железной двери

— А?..

Дверь колумбария была распахнута. Хотя и соседи, иногда и сами любовались растениями, и даже иногда забирали некоторые цветы к себе. Это было довольно редким явлением и никто не позволял себе, чего-то столь грубого, как настезь открытую дверь.

Треск

Брызг

Услышав пронзительные звуки битья горшков и интерьера, подросток рванула вперёд, не озадачившись собственной безопасностью.

— Еб*нная трава!.. Херова грязь!.. Бл*дские кусты для неё важнее мужа!

Картина того, как отец беспощадно разносит их с мамой колумбарий, пламенем встала перед девичьим лицом. Из этого ступора её вывел резкий запах алкоголя, так навязчиво врезавший в ноздри.

— Пап!.. Пожалуйста, остановись! — подумав, что она всё же сможет его вразумить, Памела подскочила к нему и схватила за руку.

— Ты... — в ответ, он лишь повернулся с налитыми кровью глазами и приподнятой верхней губой.

Удар

Размашистая пощёчина отбросила девушку к стене, та быстро приложила ладонь к щеке с лицом полного неверия и растерянности происходящим. До того, как ей удалось осознать, что только что произошло..

— И ты такая же!

Брызг

— А!

Её отец, человек, который несмотря на всю суровость и грубость, обязанный защищать своего ребёнка, бросил в Памелу один из горшков, что привело к быстрому окрашиванию алым рыжих волос.

— Сюда!

Шокированная смотря на перепачканную в крови ладонь, юная Айсли никак не отреагировала, как отец подошёл к ней, и буквально толчками начал прогонять с крыши, видя в квартиру.

— А! — в какой-то момент, это ему надоело и он схватил её за шкуру.

.....

— Хммх!

Брызг

Держась за кровоточащую голову, Памела скорее металась от того, чтобы закрыть уши и не слышать криков ругани, летящей посуды и хлестких пощёчин, до того, чтобы закрыть глаза, будто в наивной надежде спрятаться, спрятать творившейся хаос.

— Как ты посмел поднять на неё руку?!!

Как только мама вернулась домой, девушку пробил страх, она боялась буквально взрываясь внутри, страшилась того, когда она увидит столь драгоценный колумбарий в его нынешнем состоянии. Боялась того, что отец может её жестоко избить, как бывало несколько раз за год, но только теперь не было того, что могла вернуть маме улыбку, придало бы сил справиться с этим.

Звуки борьбы

Обоюдные крики

Борьба

— Кхम्म!.

Пока растерянный подросток дрожала в углу своей комнаты. Внезапно наступила тишина, ни больше криков, ни звуков крушения, а лишь незыблемая тишина. В миг ушла и вся дрожь, ведь Памела поняла, что произошло что-то ужасное.

Скрип

Медленно открыв дверь комнаты, она не спеша, будто зомби вышла из неё, бросив взгляд в сторону матери, стоявшей на балконе и с кем-то говорившей, попутно покуривая сигарету.

— О! Ты, наверное, наш сосед, да?

— Или плохо подготовившейся домушник.

Пройдя на кухню, Памела увидела отца лежавшего на животе, а из под него медленно стекала кровь, девушка сразу же поняла это. Не было ни криков, ни истерики, ничего, её сердце, словно желая чтобы на его месте был мир, погасло.

<http://tl.rulate.ru/book/12171/535997>